

Нынешний мистер Мо был намного моложе того, кого он видел на поверхности. Мистеру Мо на поверхности было уже за тридцать, в то время как нынешний мистер Мо выглядел только на двадцать пять.

Он по-прежнему был одет в черное дворянское одеяние, а на спину накинут огромный плащ, черный снаружи и красный внутри. Два огромных вертикальных воротника почти закрывали его лицо.

Г-н Мо выглядел равнодушным, но на его лице отражалась усталость.

Он оперся на свой трон и хлопнул в ладоши: «Прекрасный танец, и для меня большая честь, что вы все здесь, чтобы повеселиться».

— И для всех вас приготовлена вкусная еда.

Г-н Мо поднял обе руки и дважды хлопнул ими.

В глубоком коридоре слышался глухой звук катящихся колес.

Через несколько мгновений подкатили три тележки, и кровавые стражи сняли с них восемнадцать клеток и поставили их по обеим сторонам зала.

Бай Лисинь внезапно почувствовал себя в другом мире, наблюдая за действиями охранника.

Не так давно он был одним из тех, кто сидел в клетках.

Судя по положительным отзывам служанки о мистере Мо, он предположил, что прошлое «я» мистера Мо могло быть не таким абсурдным и жестоким, каким он был в поверхностном мире.

Но правда была перед ним; с самого начала жестокость и убийства были прописаны в ДНК мистера Мо.

И эти якобы положительные комментарии исходили только из описаний мисс Софии.

Итак, в восприятии мисс Софии мистер Мо был «добросердечным» Кровавым.

Бай Лисинь внезапно почувствовал некоторую симпатию к мисс Софии.

Она хотела сбежать от своей контролируемой жизни и помолвки и возлагала все свои надежды на мистера Мо, упавшего с неба.

Возможно, г-н Мо был нежным и внимательным только в ее присутствии, что заставило ее полностью влюбиться в него, вплоть до кражи запретного плода и зачатия ребенка.

Если вы просто посмотрите на начало, это будет счастливый конец, где принц и принцесса прорываются сквозь мир и храбро идут вместе.

Но это было не так. Жизнь после брака — это то место, где начинаются настоящие испытания.

Когда же принцесса, следовавшая за принцем в замок, узнает, кем он был на самом деле?

Ее красивый, добрый принц безжалостно пожирает ей подобных, и она просто особое присутствие среди еды.

Клетка была опущена, и мужчина внезапно схватил ее и закричал на мистера Мо: «Мистер Мо. Мистер Мо! Отпустите Софию; она моя невеста, и мы оба помолвлены с детства!»

Бай Лисинь посмотрел на голос. Посреди клетки молодой человек с ненавистью смотрел на Кровавого на троне.

Невеста?

Тогда этот молодой человек был сыном судьи.

Судя по поведению сына судьи, расторжение помолвки должно было быть односторонним решением судьи.

Этот юноша появился здесь, несмотря на свою смерть, явно идя за Софией.

— Твоя невеста? Г-н Мо мрачно посмотрел на сына судьи и вместо того, чтобы рассердиться, рассмеялся.

Он рассмеялся, как будто издеваясь над юношей перед ним.

— Я помню, что ты сын судьи и что твоя семья питает глубокую ненависть к Кровавым. Я предполагаю, что ты знаешь о моих отношениях с Софией, и ты все еще хочешь вернуть ее?

Сын судьи стиснул зубы: «Это потому, что ты ее околдовал».

Мистер Мо: «Хех, как нежно. Если бы София не была моей женой, я был бы рад сделать вас обоих здоровыми».

«Но, к сожалению, она не любит тебя, она любит меня. Она не только беременна моим ребенком, но и решила превратиться в Кровавую».

«Ты, скромный человек, достоин соперничать со мной?» Выражение лица мистера Мо внезапно стало холодным, а в его глазах появилось убийственное намерение.

Он говорил медленно, используя наименьшее количество слов, чтобы произнести самые жестокие слова: «Съешьте его».

Дверь клетки была открыта, и лица Кровавых внезапно стали безумными и жадными.

Прежняя благодать ушла, сменившись самым первобытным варварством.

Сына судьи легко вынесли из клетки стражи.

Он был поднят высоко над головой, его упрямство сменилось ужасом и паникой, когда он увидел глаза, смотрящие на него, как на еду.

Его тело начало дрожать, а пальцы неудержимо дрожали.

Лицо его было бледно, зубы стучали вверх-вниз, а на губах виднелась легкая дрожь.

В конце концов, он был еще слишком молод.

Он пришел сюда со страстным сердцем, но упустил из виду мощь и жестокость своего противника.

Только когда пришла смерть, он понял, насколько он слаб.

Охранники легко подняли сына судьи и поднесли его к гостям.

Некоторые Кровавые были уже нетерпеливы, их красивые лица превратились в отвратительные острые звериные головы, их губы быстро вибрировали вверх и вниз с пронзительным криком.

Некоторые звериные головы ухмыльнулись уголками ртов и вытянули ярко-красные языки, похожие на змеиные.

Одна из звериных голов подошла к сыну судьи и от щелчка языком оставила на его лице липкую слюну.

«Ааааа!» Сын судьи был совершенно ошеломлен, когда его зрачки сузились, его руки начали метаться, и он отчаянно кричал.

Когда толпа уже собиралась полакомиться молодой едой, раздался тихий испуганный женский голос: «Стойте!»

Бай Лисинь посмотрел на ворвавшуюся женщину в красном платье.

У нее были большие волнистые светлые волосы, а ее невинное лицо было слегка бледным. Она выглядела точно так же, как Леди Роуз из поверхностного мира. Только леди Роуз выглядела на тридцать с небольшим, а девушке перед ним было всего восемнадцать или девятнадцать лет.

Это должна быть София.

Бай Лисинь посмотрел на ее живот, который слегка выпирал и выглядел на пятом или шестом месяце беременности.

Судя по записям в дневнике, сейчас она должна быть только на втором месяце беременности. Почему у нее так быстро рос живот?

Они оба были в красных платьях, но у каждого взгляда были разные чувства. Бай Лисинь был холодным и красивым, и его красота производила впечатление. С первого взгляда он был таким же ослепительным и ослепляющим, как огненно-красное солнце в небе.

Однако девушка в красном платье была похожа на розу в еще не распустившемся саду, распустившуюся, застенчивую и простую.

София бросилась к мистеру Мо: «Ты обещал не причинять вреда моему другу. Отпусти его».

Мистер Мо колебался две секунды: «Хорошо, посадите его в клетку и выпустите других людей, чтобы они повеселились».

Граф взял девушку на руки: «Я могу пощадить твоего друга, но люди — наша пища, и нам нужно как-то выживать».

Испуганного сына судьи посадили обратно в клетку, а вот остальным семнадцати повезло меньше.

Молодых девушек с криками выводили их из клетки, и бесчисленное количество Кровавых появилось над ними. Их ужасные звериные головы высывались, когда они маниакально кусали одного человека за другим.

Из людей текла кровь, пачкая их одежду и пол из высококачественного белого фарфора под ними.

София смотрела в ужасе.

Мистер Мо: «Тебе нужно адаптироваться, София. Когда ты станешь Кровавой, ты тоже будешь убивать людей. Ты станешь Кровавой, верно? Ты бы не предала меня, не так ли?»

София побледнела и сухо кивнула: «Нет, я тебя не предаю».

Это было слишком заметно, чтобы не быть, и в хаотической атмосфере во время кормления Ди Цзя и Бай Лисинь тихо удалились.

Они прошли долгий путь и все еще могли слышать крики и чавканье в холле.

Прежде чем вернуться в комнату, он решил проверить других игроков, которые были заперты.

Наверное, потому, что они уже пережили два поражения, эти игроки были достаточно спокойны и собраны, даже когда их заперли.

После краткого обмена информацией с этими игроками Бай Лисинь ушел.

Ся Чи не стал спать в гробу. Мальчика было очень жаль, и после настоятельной просьбы Бай Лисиня дворецкий наконец устроил ему спальню.

Она была невелика, но имела нормальную кровать, и Ся Чи наконец-то смог спать спокойно.

Свадьба мистера Мо и Софии должна была состояться через семь дней, и срок до смерти Софии тоже был семь дней.

Бай Лисинь спросил Ди Цзя, стоявшего рядом с ним: «Живот Софии выглядит немного большим; сколько длится цикл беременности у Кровавых?»

Ди Цзя на мгновение заколебался: «Ты напомнил мне. Если я правильно помню, должно быть три месяца».

Глаза Бай Лисиня опустились.

Все больше и больше сомнений разрешалось после возвращения в прошлое.

Но по мере того, как эти сомнения рассеялись, возникло еще больше вопросов.

Нынешняя София была покойной женой мистера Мо, и информация, которую он получил из поверхностного мира, указывала на то, что София умерла при родах.

Это совпало с полученной им из внутреннего мира информацией о том, что «кровяные младенцы могут быстро отнимать питательные вещества у человеческих матерей».

Так была ли причиной смерти Софии семь дней спустя дистоция?

Если это было из-за дистоции, откуда в этом замке могло быть столько негодования?

Или была другая причина смерти и внешняя история была просто о трудном рождении?

Это был первый вопрос.

Второй вопрос касался отношений между леди Роуз и Софией.

Удивительно, что они обе выглядели совершенно одинаково.

Когда он увидел портреты в студии живописи, он подумал, что это была Леди Роуз, или даже что Леди Роуз раньше была человеком, а позже превратилась в Кровавую.

Но теперь кажется, что на этих портретах должна была быть София.

София, человек, и София, ставшая Кровой.

А кем была леди Роуз? Была ли она заменой Софии?

Или... она была Софией?

Если Леди Роуз была Софией, каково было объяснение смерти Софии в поверхностном мире?

Одной из задач было найти убийцу леди Роуз.

Человека не убивают просто так, поэтому должна быть логическая связь.

Узнав, кто такая леди Роуз, и следя за ее сетью, можно было узнать, почему ее убили.

Третий вопрос: кто был вторым художником?

Затем последовал четвертый вопрос, и самый важный.

Третье поколение Кровавых в этом мире еще не умерло. Теперь он был во внутреннем мире и, возможно, сможет найти настоящее имя мистера Мо.

После того, как он узнает его имя, у него будет 60% шанс убить мистера Мо.

Бай Лисинь слегка нахмурился: «Поскольку плод Крови может нанести вред человеческой матери, мистер Мо должен был как можно скорее превратить Софию в Кровавую для здоровья матери. Но София все еще была человеком, когда мы увидели ее сегодня. Она на самом деле не хочет обращаться?»

Он сделал паузу на две секунды и быстро отмел свои подозрения.

«Она в отчаянии, и единственное, что ее ждет, если она вернется в мир людей беременной, — это смерть. И она несколько раз упомянула в своем дневнике, что хочет стать Кровавой. Будь то с точки зрения реальности или с ее собственной точки зрения, стать Кровавой — единственный вариант».

Бай Лисинь посмотрел на Ди н: «Это потому, что она беременна и будет в опасности, когда трансформируется?»

Они шли по пустому коридору. Окно в конце коридора было открыто, и дул вечерний ветерок, сдувая пылающий лепесток красной розы в темные волосы Бай Лисиня.

Ди Цзя помогла Бай Лисиню убрать лепесток розы: «Ребенок в утробе матери постоянно поглощает питательные вещества. Это количество поглощения терпимо для Кровавых; в конце концов, телосложение Кровавого достаточно сильное. Но у людей будут проблемы».

«Во время трансформации клану Крови необходимо высосать всю человеческую кровь, прежде чем ввести часть своей собственной крови в человеческие вены. В этот момент человек впадает в кому, сердце перестает биться, и он входит в состояние ложной смерти».

«Небольшое количество кровяной жидкости, введенной в организм, будет быстро делиться и размножаться в организме человека. Когда оно достаточно размножится, сердце снова забьется, и превращение человека в Кровавого будет завершено. Обычно этот процесс длится три дня».

«Не всех людей можно легко превратить в Кровавых; если человека убьют в это время, он или она умрет полностью. Тело трансформированного человека очень хрупкое во время этого процесса трансформации и не должно подвергаться воздействию солнечного света, поэтому

Кровавые обычно кладут трансформированного человека в гроб».

«София сейчас беременна, и если у нее вдруг случится остановка сердца, ребенок немедленно почувствует опасность и начнет еще отчаяннее поглощать питательные вещества матери. К тому времени София не только не сможет превратиться в Кровавую, но и умрет. Ни она, ни ребенок не выживут».

Бай Лисинь: «Но если София родит ребенка человеком, доживет ли она до завершения рождения?»

Ди Цзя: «Шансы почти нулевые. Кровавый должен потерять половину своей жизни, чтобы родить ребенка, не говоря уже о человеке. Прежде чем она сможет полностью родить, София будет поглощена до смерти».

«Если кто-то хочет спасти ребенка и одновременно обеспечить выживание Софии, есть только один способ сделать это». Ди Цзя крутил в руке лепестки роз и играл с ними. Ярко-красный сок испачкал кончики его пальцев, как будто их помазали румянами.

Ди Цзя посмотрел на Бай Лисиню. Его сердце слегка дрогнуло, и он приблизил кончики пальцев к Бай Лисиню, размазывая «румяна» по губам, и посмотрел на него в изумлении.

Мягкие губы слегка деформировались под кончиками пальцев. Движения Ди Цзя были медленными и обдуманными, как будто он трогал самое драгоценное сокровище в мире.

Он неохотно убрал пальцы. Ди Цзя с удовлетворением посмотрел на сладкие красные губы Бай Лисиню и сказал с легкой улыбкой: «Так намного лучше. Я заметил, что все остальные барышни были накрашены. Ты только что был слишком прост».

Веки Бай Лисиню дважды дернулись. Он искоса взглянул на Ди Цзя и спросил: «Скажи мне быстро, какой способ?»

Ди Цзя: «Разрезать желудок, вытащить ребенка, а затем трансформировать ее».

«Когда ребенок достигнет определенного месяца, вытащить его пораньше. Таким образом, и мать, и ребенок смогут жить. Затем мать трансформируется, и она благополучно станет Кровавой».

Бай Лисинь вспомнил вопрос: «Можно ли абортить зародыш?»

Ди Цзя: «Не совсем так. Кровавые - очень живучая и жадная раса. Даже если это всего лишь плод, он просто не умрет. Никакое лекарство не может убить плод, вместо этого оно нанесет вред матери. Как только плод осознает, что мать нападает на него, плод, в свою очередь, возьмет контроль над матерью, манипулируя ею, чтобы поглощать и восполнять ее

питательные вещества, поскольку он отбирает их у нее в больших количествах».

Ди Цзя: «Даже многие Кровавые говорят, что вынашивание беременности похоже на выращивание паразита, пожирающего тело».

Бай Лисинь: «На самом деле, я думаю, это не только Кровавые, это любая мать. Я помню, что говорят, что эмбрион является захватчиком матери. Когда эмбрион только имплантирован, мать испытывает всевозможные неудобства и отторжение. На самом деле это материнское тело рассматривает эмбрион как вирус и осуществляет отторжение и элиминацию».

Бай Лисинь: «Роль «матери» накладывает на мать слишком много оков и бремени. Это и прекрасно, и трагично».

Ди Цзя молча смотрел на Бай Лисиня в течение двух секунд и слегка сменил тему: «Мою кровь можно пить?»

Бай Лисинь резко поднял взгляд, его глаза сверкнули: «Э, это неплохо».

Ди Цзя вспомнил, что услышал в зале: «Хотя мне больше тысячи лет, и я не ел все эти годы, мое тело всегда было здоровым».

Он сделал паузу и прошептал: «А ещё у меня хорошая выносливость».

Бай Лисинь: «О».

????

Почему ты это вдруг сказал? В теме нет ни вступления, ни окончания. Это необъяснимо.

Они медленно шли по коридору и только завернули за угол на первом этаже, когда услышали позади себя звук быстрых шагов.

Звук кожаных ботинок по полу издавал четкое «тук-тук-тук». В следующую секунду огненно-красная фигура промчалась прямо и столкнулась с огненно-красным Бай Лисинем.

Бай Лисинь быстро схватил Софию, которая чуть упала

Когда София увидела, что перед ней двое Кровавых, ее и без того бледное лицо стало еще бледнее, но потом она увидела их лица и замерла.

Бай Лисинь помог Софии подняться на ноги и тихо сказал: «Будьте осторожны, мисс София,

падать будет больно».

София думала, что другая сторона беспокоится о ребенке. Ее лицо на мгновение смутилось, и она сказала с некоторой досадой: «Не волнуйтесь, этот ребенок настолько силен, что просто не может выпасть, несмотря ни на что!»

<http://bllate.org/book/14977/1324609>